

Секретарь Сун опешила. Она никак не ожидала, что Цзян Тинчжоу так бесцеремонно её осадит. Из неё выдавилось лишь растерянное «Ты...», как на том конце провода раздались короткие гудки.

Цзян Тинчжоу быстро одобрил заявку Тянь Хуэй. За последние дни ему писали многие; он бегло просмотрел список входящих, но отвечать никому не стал.

Но взгляд упрямо цеплялся за чат с Лу Байюем — тот висел в самом верху, закреплённый. Цзян Тинчжоу хотел было снять закрепление долгим нажатием, но палец соскользнул, и диалог открылся.

На экране высветилась история их общения: с десятка последних сообщений отправил он сам, без умолку щебеча всякие нежности.

«Любимый, скучаю [сердечко]»

«Ты мне сегодня приснился. Так хочется увидеться, просто сил нет!»

«Я тут новое блюдо придумал!»

«[Фото]»

«Когда ты будешь дома? Очень хочу тебя угостить».

Когда улетало последнее сообщение, у него уже начинался жар, но Лу Байюю он не сказал ни слова. Впрочем, тот и сам не поинтересовался его самочувствием.

Тот и правда был вечно занят по горло. Пользовался тремя телефонами — личным и двумя рабочими, так что на пустую болтовню времени у него не оставалось. Если что-то требовалось, он обычно поручал секретарю набрать номер либо откладывал разговор до возвращения в Юнцин, чтобы обсудить всё с глазу на глаз.

Цзян Тинчжоу всегда проявлял понимание, принимая это как должное. Пусть даже их общение со стороны напоминало театр одного актера, он всё равно радовался как ребёнок каждой крохе внимания.

Но теперь, глядя на эти глупые, сочащиеся наивным обожанием строчки, он ощутил такой жгучий стыд, что захотелось сквозь землю провалиться. С трудом поборов желание зажмуриться, он с максимальной скоростью набрал короткий ответ и нажал кнопку отправки.

«Привет. Мы расстаёмся. Прощай».

Следом он без лишних раздумий отправил контакты Лу Байюя в чёрный список. Туда же полетели и номера его секретарей — точно так же, как он поступал в те годы, предшествовавшие его гибели.

Оторвавшись от экрана, он обнаружил, что Ань Сяопин буквально сгорает от любопытства. Да и Тянь Хуэй с тётушкой Тянь заметно наостригли уши, боясь упустить хоть слово.

— Ты... ты что, встречался с Лу Байюем? — наконец выпалил Ань Сяопин. — И когда только успел? Почему молчал?! Вы же были вместе, зачем ты с ним расстался? У тебя что, и правда мозги спеклись от этой лихорадки?

Вопросы посыпались градом. Цзян Тинчжоу лишь вздохнул, не зная, как подступить к объяснениям.

А ведь то, как они сошлись, было до глупого просто.

Около месяца назад, выиграв свой первый кулинарный кубок, Цзян Тинчжоу на радостях закатил для Лу Байюя роскошный ужин. Он явно недооценил крепость вина — быстро захмелел и поддался пьяной смелости, выложив всё, что было на душе. А наутро, проснувшись и обнаружив на теле недвусмысленные следы бурной ночи, Цзян Тинчжоу испытал скорее безумный восторг, нежели испуг.

Назад дороги не было, мысли путались. Набравшись безумной храбрости, он спросил Лу Байюя, значит ли это, что теперь они вместе. Тот спорить не стал — лишь обнял его покрепче прямо в постели да поцеловал в лоб, что сошло за молчаливое согласие.

Начав встречаться, они без лишних слов сошлись на том, что афишировать это не стоит. Отношения с самого начала отдавали какой-то ненормальностью, но потерявший голову Цзян Тинчжоу попросту отмахивался от дурных предчувствий.

Честно говоря, никто в здравом уме не поверил бы в реальность этой связи. Даже Ань Сяопин, который всегда смотрел на него сквозь призму крепкой дружбы и знал о его тайном обожании, раньше прямо заявлял: «Даже не думай раскатывать губу, это невозможно».

Тут и Тянь Хуэй вставила слово.

— Погодите... — робко, с придыханием спросила она. — Тот Лу Байюй, о котором вы говорите... это ведь не молодой господин Лу из Логистической группы Лу? Да быть не может! Если это он, то ты, братец, просто... ну вообще...

Ей хотелось назвать его невероятным везунчиком или как-то выразить своё восхищение, но масштабы этой ошеломляющей новости не укладывались в привычный лексикон. Она так и зависла, тщетно подбирая слова.

Охмутать фигуру такого масштаба, легендарного Лу Байюя!

— Ну вот видишь, — с усмешкой отозвался Цзян Тинчжоу. — Тебе тоже кажется, что это фантастика.

Лу Байюй действительно был ослепительной величиной. Наследник Логистической группы Лу — признанного лидера отрасли, — которого долгие годы бережно готовили к этой роли.

Династия Лу стояла у истоков внешней торговли в стране. Почувяв, откуда дует ветер, они вовремя переключились на внутренние грузоперевозки, оперативно создав Логистическую группу Лу. Своё баснословное состояние они сколотили ещё до того, как этот рынок стал золотой жилой, так что их статус в обществе был поистине недостижимым.

Сам Лу Байюй с малых лет рос баловнем судьбы и образцом для подражания. В свои двадцать восемь — он был на шесть лет старше Цзян Тинчжоу — он уже давно всю руководил процессами и пользовался непререкаемым авторитетом.

В последние годы Логистическая группа Лу прочно удерживала статус безоговорочного лидера, оставив конкурентов далеко позади, особенно по части холодовой цепи поставок. К тому же корпорация активно занималась меценатством. Лу Байюй лично продвигал проекты развития отдалённых уголков страны — от строительства школ до финансирования ключевых местных предприятий, снискав всеобщее признание и уважение.

Безупречно красивый, умный и хваткий, он давно превратился в публичное лицо всей империи Лу. Его голос в совете директоров весил едва ли меньше, чем слово его отца, председателя Лу Чжэньтина. Интерес прессы к нему не уступал вниманию к популярным звёздам шоу-бизнеса, а кристально чистая репутация обеспечила ему статус одного из самых влиятельных молодых бизнесменов поколения.

— Ой, я совсем не это имела в виду! — замахала руками Тянь Хуэй.

Она искренне считала Цзян Тинчжоу невероятно красивым, талантливым и умным парнем, которому вполне под стать сильный партнёр. Но Лу Байюй... Лу Байюй стоял настолько выше простых смертных, что казался не реальным человеком, а каким-то небожителем.

Обоих так и подмывало расспросить поподробнее, но стоило им взглянуть на лицо Цзян Тинчжоу, как всякое любопытство угасло. С молчаливого согласия тему решили закрыть.

Всё-таки личная жизнь — дело тонкое. Тем более после такого сухого и беспощадного разрыва. С фигурой подобного масштаба любые подробности могли оказаться слишком щекотливыми, чтобы делиться ими даже с близкими.

Боясь испортить ему настроение окончательно, они поспешно сменили тему.

Но Цзян Тинчжоу, оставшись наедине со своими мыслями, никак не мог отделаться от нахлынувших воспоминаний.

Даже если не брать в расчёт их так называемый роман, Лу Байюй занимал слишком важное место в его жизни и оставил в ней неизгладимый след.

Официальная биография молодого бизнесмена была известна каждому, но Цзян Тинчжоу хранил в памяти вещи, скрытые от посторонних.

Едва вернувшись в семью Цзян, он обнаружил, что отец в любой беседе поминает семейство Лу к месту и не к месту. Стало ясно: могущественные Лу были той самой соломинкой, за которую отчаянно цеплялся их собственный клан, а история отношений двух семейств уходила корнями в глубокое прошлое.

В доме Лу подрастали двое сыновей. Старший, Лу Байюй, грыз гранит науки за рубежом, и до Китая доносились лишь слухи о его феноменальных успехах. Младший же, Лу Цзяхэ, был ровесником Цзян Тинчжоу и Цзян Ю.

Лу Цзяхэ с самого детства души не чаял в Цзян Ю. Мальчишки росли бок о бок, и нет ничего удивительного в том, что к внезапно объявившемуся Цзян Тинчжоу младший из братьев Лу относился с холодным презрением.

Но Лу Байюй был совсем другим.

Тот, хотя они ещё даже не были знакомы, прислал Цзян Тинчжоу гору подарков к его возвращению домой. Там лежали десятки комплектов одежды его размера, пошитых на заказ, — куда более изысканных и качественных, чем всё, что соблаговолили подготовить для него новообретённые родственники. По крайней мере, этот жест помог ему внешне преодолеть пропасть между старой жизнью и новой.

Портной, приехавший снимать с него мерки, тогда впервые произнёс это имя, объяснив, что прислал их лично молодой господин Лу. Он мягко улыбнулся испуганному пареньку:

— Молодой господин Лу печётся о вас. Не переживайте, теперь у вас всё наладится.

Цзян Тинчжоу тогда ни о чём таком не думал. Он решил, что это просто дань уважения старой дружбе между их домами, и сохранил в душе глубокую благодарность.

После перевода в новую школу Цзян Тинчжоу оказался в числе худших учеников. Но Лу Байюй не оставил его и тут, наняв лучших репетиторов. Преподаватели попались толковые, однако база у Тинчжоу была настолько слабой, что как бы он ни надрывался, быстро нагнать сверстников не получалось. И всё же знание того, что в него кто-то верит, помогало ему держать удар и не сдаваться.

Судьба свела их лично при весьма щекотливых обстоятельствах.

Цзян Тинчжоу из кожи вон лез, чтобы стать своим в этом чужом мире. Кое-какие успехи уже наметились: благодаря отличным физическим данным он прошёл отбор в баскетбольную сборную школы.

Высокий, сильный и выносливый, после первых же тренировок он начал подавать большие надежды. Но радость была недолгой. Спустя два месяца грянул скандал: его обвинили в краже клубных денег. Из бюджета команды бесследно исчезли двадцать тысяч юаней. На записи с камер наблюдения Тинчжоу заходил в раздевалку, а при обыске в его личном шкафчике обнаружили пропавшую пачку купюр.

Цзян Тинчжоу с первого взгляда понял, чьих рук это дело. Стоило ему заработать хоть какой-то авторитет среди одноклассников, как Цзян Ю тут же исходил желчью. Этот подлог был шит белыми нитками.

Но слушать Тинчжоу никто не желал.

Лу Цзяхэ, бывший тогда капитаном сборной, тоже смотрел на него с подозрением. Собрание в кабинете завуча затянулось дотемна; подростки перебивали друг друга, брызжа слюной и требуя немедленной расправы. Цзян Тинчжоу понимал: если сейчас вызовут отца, тот, едва взглянув на фамилии участников конфликта, не задумываясь заставит его признать вину и униженно просить прощения, лишь бы замять скандал перед сильными мира сего.

Но спасение пришло откуда не ждали. В дверях кабинета выросла высокая фигура Лу Байюя. Он гостил дома на каникулах и просто заехал за младшим братом, но, вникнув в суть этого балагана, веско бросил с порога:

— Это не он.

Семья Лу входила в число главных акционеров этой закрытой школы, так что спорить с наследником совета директоров никто не посмел бы.

Кто-то из учеников всё же попытался огрызнуться — мол, с какой стати? Для любого из присутствующих эти двадцать тысяч были карманными расходами на пару дней. И только нищеврод Цзян Тинчжоу трясся над каждой копеей, так что мотив мог быть только у него.

Но под холодным взглядом Лу Байюя голос смельчака быстро сошёл на нет, а былая спесь улетучилась.

— Бережливость теперь синоним воровства? — спокойно, но с явной угрозой в голосе произнёс Лу Байюй. — Вам некуда девать деньги, но с чего вы взяли, будто Цзян Тинчжоу позарился бы на эти копейки? Три месяца назад, когда он попал в сборную, я отправил ему в подарок

спортивные часы за двести тысяч юаней. Тинчжоу, разузнав их стоимость, наотрез отказался от презента и настоял на возврате. Лу Цзяхэ, тебе ли об этом не знать?

Он обвёл кабинет ледяным взглядом:

— Камера сняла его утром, а деньги вы нашли только во второй половине дня. Прошло больше четырёх часов. У нас свободный вход и выход с территории, он что, по-вашему, круглый идиот, чтобы держать краденое при себе и послушно ждать обыска? Шкафчики в раздевалке вскрываются обычным щелчком, подбросить туда свёрток мог кто угодно. И это, по-вашему, улика?

Давление, исходившее от него, было столь осязаемым, что в учительской воцарилась гробовая тишина. Кое-кто из зачинщиков потасовки виновато отвёл глаза, не смея пикнуть.

Цзян Тинчжоу стоял как громом поражённый, переводя взгляд на своего неожиданного спасителя. Лишь спустя минуту он украдкой вытер рукавом покрасневшие глаза.

Так вот ты какой, Лу Байюй, таинственный покровитель, засыпавший его подарками.

Тот вошёл в кабинет прямо с дороги, в элегантном тёмно-синем пальто, окутанный едва уловимым шлейфом дорожной усталости. От него невозможно было отвести глаз. В этот миг Цзян Тинчжоу наконец осознал, почему в высшем обществе это имя произносили не иначе как с благоговением.

Идеал во плоти, оказавшийся куда лучше любых его робких фантазий.

Сам он тоже пытался оправдываться, но его лепет попросту игнорировали.

Здесь учились дети из семей куда более весомых, нежели Цзяны. Администрация прекрасно видела шитые белыми нитками обвинения, но связываться с полицией и раздувать скандал не хотела, рассчитывая замять дело. Тинчжоу уже мягко намекали, что строгий выговор — не конец света, лишь бы замять инцидент. Но стоило заговорить Лу Байюй, как всё изменилось.

Под напором его неоспоримых аргументов обвинение рассыпалось прахом. Дирекция, юля и заискивающе извиняясь, поспешила выставить инцидент нелепой ошибкой.

Тинчжоу прекрасно понимал, что докапываться до истинного виновника никто не станет, да и не нужно — возвращённого честного имени ему было более чем достаточно.

Он больше не рвался в бой с прежним юношеским максимализмом, успев усвоить горький урок: попытки докопаться до истины порой выходят боком. Иногда лучше принять синицу в руках.

— С руководством школы я побеседую отдельно, — успокаивающе произнёс Лу Байюй. — Обещаю, косых взглядов больше не будет. Пойдём, я подброшу тебя до дома.

Вся та властная холодность, которой он только что подавлял собравшихся в кабинете, мгновенно испарилась, уступив место мягкой, окутывающей заботе.

В тишине просторного салона автомобиля они сидели рядом. Цзян Тинчжоу, не смея поднять глаз на своего спасителя, едва слышно выдавил:

— Спасибо вам большое.

— Не за что, — Лу Байюй протянул руку и ласково взъерошил его волосы. — В конце концов, наш род перед тобой в большом долгу.

Лу Цзяхэ на переднем сиденье недовольно забурчал:

— Брат, ну сколько можно об этом твердить? Мы за столько лет уже сто раз со всеми долгами рассчитались.

Цзян Тинчжоу тогда ещё смутно представлял, о каком долге идёт речь. Он лишь испуганно комкал пальцами край куртки, не смея задавать лишних вопросов. Однако Лу Байюй от слов брата мгновенно растерял всю свою мягкость.

— Лу Цзяхэ, замолчи, — резко оборвал он его. — Даже если отбросить прошлое, Тинчжоу — твой одноклассник. Неужели именно так капитан команды должен решать споры? Кто привил тебе такое скудоумие, что ты без тени сомнения бросаешься травить невинного человека вместе со стадом? Я прождал тебя у ворот лишние полчаса только ради того, чтобы увидеть, как ты пасуешь перед простейшей интригой, а теперь ты ещё и смеешь препираться?

Крепкий, рослый Лу Цзяхэ перед старшим братом мгновенно превратился в побитого щенка. Он вжал голову в плечи, боясь даже вздохнуть, и виновато забормотал:

— Ладно, ладно... Я всё улажу, обещаю. Только отцу не говори, умоляю.

— Извинись перед Тинчжоу. Сейчас же.

— Прости меня, — даже не пытаясь спорить, Лу Цзяхэ обернулся и виновато опустил глаза. — Цзян Тинчжоу, прости. Я сгруппировался, не разобравшись в ситуации и пойдя на поводу у толпы. Больше это не повторится.

Цзян Тинчжоу растерянно замер, не веря собственным ушам.

Он приоткрыл рот, чтобы привычно отмахнуться — мол, ладно, проехали, — но в горле встал комок. Впервые этот заносчивый, избалованный парень склонил перед ним голову и попросил прощения. Все обиды и горечь, скопившиеся в душе за долгие месяцы травли, разом вырвались наружу. Нос предательски защипало, и по щекам покатились крупные слёзы.

Когда его втоптывали в грязь и несправедливо обвиняли, он стоически терпел, не проронив ни слезинки. А теперь, когда справедливость восторжествовала, сдерживать рыдания было уже выше его сил.

Он никогда в жизни не знал подобной защиты и заботы. Даже родная семья, вернувшая его из приюта, видела в нём лишь обузу и досадную помеху. А этот далёкий, казавшийся недостижимым Лу Байюй вдруг заслонил его от всего мира.

Тот день навсегда отпечатался в его сердце, став самым ярким и чистым воспоминанием его юности.

<http://bllate.org/book/19956/1995094>